

Дискуссии и обсуждения

**«ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:
ЖУРНАЛ МЕТАДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»
В ИНФОРМАЦИОННОМ И НАУЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РЕГИОНА И СТРАНЫ**

**Стенограмма круглого стола
5 июля 2012 г., Ростов-на-Дону
Донская государственная публичная библиотека**

Аннотация: *Стенограмма круглого стола «„Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований“ в информационном и научном пространстве региона и страны, проходившего в г. Ростов-на-Дону 5 июля 2012 г.*

Ключевые слова: *политическая концептология, метадисциплинарные исследования, научная периодика, круглый стол.*

Участники:

Козерь В., учитель истории средней школы г. Ростова-на-Дону

Лубский А.В., доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

Макаренко В.П., доктор философских наук, доктор политических наук, профессор (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

Понеделков В.В., доктор политических наук, профессор (Ростов-на-Дону, Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы)

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор (Москва, НИУ-ВШЭ)

Шкуратов В.А., доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону, ЮФУ)

Научные сотрудники, преподаватели, аспиранты, студенты Южного федерального университета и других вузов, общественность Ростова-на-Дону

В.П. Макаренко: Центр политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем ЮФУ, кафедра теоретической и прикладной политологии ЮФУ, Донская государственная публичная библиотека, Донское философское общество, Российская ассоциация политической науки, клуб Интеллектуальный Ростов проводят Пятую летнюю школу политических наук «Политическая концептология: теоретико-методологические основания и институционально-символические аспекты социальных наук». Ведущий эксперт заседания Владимир Натанович Порус — доктор философских наук, профессор, за-

ведущий кафедрой онтологии, логики и теории познания факультета философии Научно-исследовательского университета — Высшая школа экономики (Москва). Вчера с ним мы провели передачу по каналу Россия-24.Дон¹.

Профессор Понеделков просил выступить первым. Прошу, Александр Васильевич!

А.В. Понеделков: От имени всех политологов и социологов России, от имени нашего сообщества приветствую саму идею проведения семинаров и круглых столов под эгидой Центра политической концептологии. Мне представляется исключительно важным провести круглый стол по теме о лучшем журнале на юге России. Кому-то может показаться странным предложенный к обсуждению вопрос. Но мы с вами прекрасно знаем и помним, что любая мысль поначалу воспринимается как ересь, затем она превращается в догму, и даже в руководство к действию. Конечно, в этом деле следует, прежде всего, отметить фигуру профессора Макаренко, нашего вдохновителя и инициатора всего процесса и многих побед.

В.П. Макаренко: Это уже как будто Сталин заговорил из гроба...

А.В. Понеделков: Это как раз тот случай, когда уместно вспомнить: личности не менее, чем законы и принципы, двигают историю. Виктор Павлович это действительно делает. Готовясь к выступлению, я ещё раз посмотрел содержание и тематику журнала за минувший год. Содержание впечатляет: остро, спорно, доказательно, научно и политически обосновано. Журнал и его авторы действительно актуальны во всех смыслах, включая их концептуальные и теоретические разработки. Хочу назвать запомнившиеся мне позиции. Во-первых, создаётся новый, он же «старый», язык науки. Во-вторых, плоскость обсуждения ставится категория «духовности» как фундаментальная основа социального действия. В-третьих, исследуются тенденции мирового значения. В-четвертых, подробно и масштабно исследуется персоналистический режим, складывающийся в стране.

Одним словом, журнал и его авторы, его патрон и организаторы заслуживают искренних похвал. Что я с удовольствием и делаю. А дальше мне хотелось бы поговорить о консолидации наших научных и организационных усилий. Чтобы у нас не было разных школ, а то мы бьём в разные точки. Хотя и работаем в одном направлении. Я как исследователь, принадлежащий к системе государственных служб, хотел бы видеть большую практическую целесообразность в вашем исследовательском поле: по проблемам современной бюрократии, по анализу политического процесса, взаимодействия гражданского общества и государства, разработке стратегических направлений в деле национальной безопасности. По последнему направлению вы участвовали. Наше научное политологическое сообщество, существующее в рамках ростовских политологических школ, издало в 2011-12 гг. два фундаментальных тома (С.А. Кислицын). Я принёс программу, прошу поинтересоваться. Также хотелось бы обратить внимание на научно-политический журнал номер 3 — социология власти. Здесь как раз дано высокое и мощное теоретическое обоснование политической практике. Здесь мы опубликовали статью по элитам. С Андреем Валентиновичем Лысенко, который ушёл из жизни. Царство ему небесное. Я думаю, надо больше обобщать политическую практику. Требуется концептологическое, вспоминая термин профессора Макаренко, обоснование взаимодействия общества и государства, задающих условия отношений психологических, этических, инновационных, создаваемых самой логикой этого взаимодействия. Нас в этом процессе интересует всё. И среда, в которой осуществляется взаимодействие, и инструменты, и механизмы этого взаимодействия, а также ценности культурные, духовные, о чём я говорил, материальные и другие. Полагаю, что на этом поле лежит решение вопроса сугубо научного свойства в части создания мировоззренческой научной платформы, на которой мы будем чувствовать себя не разобщёнными, разведёнными по свои «грядкам» научным, в общем сплочённом строю. Ещё более стратегически важным мне представляется наше совместное усилие, подведённое под один общий знаменатель. Противоборство в системе и выработка рекомендаций стратегий

¹ См.: <http://www.youtube.com/watch?v=DWqpYZHaOaI>. — Проверено: 14.10.2013 г.

национальной безопасности. Здесь в одну точку сходятся интересы всех, каждой отдельной личности, общества, всех государственных и общественных институтов. Мне представляется исключительно важным работа в направлении создания эффективных инструментов предотвращения подрыва госбезопасности страны, также определение места и роли России в этом вопросе. Уж кому-кому, а нам с вами, жителям южного региона, не надо объяснять, что наш регион является весьма конфликтогенным в масштабах страны и мира. Хотим мы того или нет, но вопросы терроризма, экстремизма, конфликтов и т. д. ... Стратегия национальной безопасности ориентирует всех нас — государственные и общественные структуры, семью и учебные заведения, — на формирование личности общества и государства безопасного типа. Уверен, что ваш журнал не обойдёт в будущем эту проблематику. Более того, в дискуссии, назначенной на завтра, все эти вопросы найдут достойное внимание и освещение. Этим я хочу закончить, поблагодарить за приглашение и сотрудничать.

В.П. Макаренко: Основные темы моего доклада: личная и теоретическая предыстория журнала; история создания журнала; опыт трёхлетней работы; оценки и проблемы журнала. Это будет часа на полтора, пока все не заснут. Естественно, я этим заниматься не буду. Вначале представлю нашу редакционную коллегию, возможно, о ней не все знают. Журнал наш выходит с 2009 года. Главным редактором являюсь я. Все мои титулы перечислены. В настоящее время журнал вывешен на сайтах Южного федерального университета, Института научной информации по общественным наукам РАН (в рубриках «Россия: ключевые проблемы и решения»), Электронной библиотеки РИНЦ и т.д. Каждый может зайти на эти сайты, набрать «Политическая концептология» и всё прочесть. Моим заместителем является Сергей Петрович Поцелуев. Сейчас он проходит стажировку в университете Нотр-Дам в Чикаго. Ответственным редактором является доцент, кандидат политических наук Михаил Сергеевич Константинов, который сейчас присутствует на учёном совете факультета социологии и политологии ЮФУ. Затем разрешите представить председателя редакционного совета журнала, доктора философских наук, кандидата исторических наук, профессора Анатолия Владимировича Лубского. Я с большим удовольствием скажу, что он недавно получил премию за что-то выдающееся в области социологии. Толик, скажи, за что?

А.В. Лубский: Медаль РАН имени Питирима Сорокина.

В.П. Макаренко: Во! Как писал в этом случае Шолом-Алейхем, «и Гапка люди, и Юхим человек». Это прецедент. Для нашего провинциального Ростова-на-Дону (несмотря на то, что он уже давно миллионник, и даже «город боевой славы») это чрезвычайно важно. Медаль Российской академии наук имени Питирима Сорокина. Пусть каждый придет домой, перечтет биографию великого социолога, и поставит перед собой вопрос: «Занимался ли я выработкой характера так, как делал это Сорокин?» Сейчас находится на пути в Ростов из Волгограда член нашего редакционного совета, доктор политических наук Алексей Иванович Бардаков. У нас журнал полипроблемный, многообразный. В состав его редколлегии входят многие известные экономисты, юристы, философы, социологи, политологи из России, Украины, Польши.

Разрешите приступить к докладу. Называется он «Политическая концептология — новое направление социогуманитарных исследований». Теоретическое предисловие, личную предысторию я оставлю на потом, хотя для журналистских целей и для широкой публики эта информация может быть даже более интересной, чем теоретическое предисловие.

Впервые идея политической концептологии или политической метатеории была высказана мной в 1995 году на международной конференции, посвящённой столетнему юбилею Львовско-варшавской школы. Затем изложена в первых публикациях 1996-го года. Однако, примерно лет за восемь до этих событий я высказывал идею политической концептологии своему аспиранту, не буду называть его фамилию. Я первоначально называл эту идею «логика политических концепций» и советовал ему ее развивать. Однако по мере изменений в его семейном статусе, а также социальных трансформаций страны после 1990 года, он ушёл из

науки. Сказал мне: Прошу прощения, Виктор Павлович, надо кормить семью. Жена меня не пускает на научные собрания, ругается... Поэтому вынужден был реализовывать эту идею я. И я её реализую, а как — это уже предмет обсуждения. Вначале я думал создать политическую концептологию, для обобщения своих предшествующих исследований: бюрократии, оппозиции, истории и теории марксизма и легитимности. Но в ходе реализации замысла оказалось, что политическая концептология не исчерпывается интеграцией перечисленных сфер исследования и не помещается в рамки канонической политической науки. Поворотную роль в формулировке такого убеждения сыграло изучение аналитической философии. И я здесь впервые сошлюсь на присутствующего здесь Владимира Натановича Поруса. В 1988 году, если не ошибаюсь, в журнале «Вопросы философии» был проведён круглый стол по аналитической философии. Профессор Порус — один из первых в России специалистов, который развивает это направление исследований. Но после нашего уже более близкого знакомства выяснилось, что он принадлежит уже к расстриге в аналитическом смысле слова. Как сказал он мне в прошлом году, тема ему немножко поднадоела. А я являюсь адептом, недавно пришёл в эту сферу, поэтому здесь тоже возможен какой-то продуктивный обмен мнениями. Обращаю внимание, что аналитическая традиция, традиция аналитической философии, в истории интеллектуальной культуры России представлена слабо. И до 1917-го года, и после него. Это может быть предметом особого разговора. И вот ни много ни мало задача состоит в создании интеллектуальной культурной традиции, и политической концептологии как одной из частей этой интеллектуальной традиции. Применение аналитической философии к изучению социополитических феноменов в социогуманитарном знании началось недавно. В аналитических дисциплинах последних лет, особенно в России, на первый план начала выходить политическая философия. Сошлюсь здесь на свою книжку 20-летней давности — учебное пособие «Политическая философия». Эта книжка была тогда издана с помощью и участием Анатолия Владимировича Лубского. Ещё существовало издательство «Логос». Книга тоже заслуживает критического отношения, но как веха может быть упомянута. Мои штудии пересекаются с проблемой использования аналитической философии для анализа отечественной реальности. Применение философских методов для анализа конкретных проблем всегда меня интересовало больше философии как таковой. И больше общих глобальных схем, тем более холистических. В 1995-ом году я получил грант Российского гуманитарного научного фонда по теме: «Метатеория политической реальности». И до 2000 года написал ряд книг и статей, посвящённых анализу теоретико-социологических и социополитических проблем русской власти, политической философии, концепции интересов во взаимосвязи с деятельностью правительства, главных идеологий современности, толерантности, фундаментализму, методологии кавказоведения.

Теперь сформулирую рабочее определение. Политическая концептология — это междисциплинарный подход к исследованию, пониманию и моделированию политической реальности в её взаимосвязи со всеми сферами социально-интегрированной реальности. В философии науки существуют разные концепции междисциплинарности, анализа и понимания. Для конституирования политической концептологии главной является процедура методологического выбора, который постоянно переплетён с моральным и политическим выбором. Это очень острая и интересная проблема, и ей можно посвятить всю жизнь. Этот выбор предполагает дистанцирование от реальных политических процессов, систем, конъюнктур и всего корпуса социогуманитарных и политологических знаний. Необходимость дистанции определяется тем, что эти феномены являются вариантами традиционализма, экономоцентризма, кратоцентризма, идеократии в региональном, национальном, государственном, цивилизационном, мировом измерении. Если взять историю России до советского периода, то можно найти много примеров того, как взаимодействие между гуманитарными науками и обществом, и государством в особенности, постоянно деформировалось воздействиями со стороны властвующих и экономических структур. История философской, гуманитарной, соци-

ально-политической мысли XX века после 1917-го года в нашей стране даёт громадное количество примеров, как истина и наука терпит возмущающее бремя со стороны властвующих структур. В этом смысле она является показательным примером того, как наука существует в окружении власти. И после 1991-го года рыночные механизмы используются в нашей стране для того, чтобы воспроизвести модель отношений, которая сложилась до 1991-го между государством и наукой, наукой и властью. Это особая проблема, она может быть предметом особого анализа. Такова только одна из конкретизаций о необходимости дистанции. Она же относится ко всему корпусу ныне существующих политологических знаний, комплексу пространственно-временных властно-ситуационных и институциональных модификаций, обыденных стереотипов поведения, экономического и политикоправового утилитаризма и прагматизма. Вот эти модификации отражены в системах международного права, конституционного права, обычного права, принципах государственного управления. Однако различие религиозных идеологий, систем права и функционирования аппарата власти не преодолено ни в одном государстве современного мира, поэтому комплекс нормативно-оценочных систем можно рассматривать как множество разновидностей повседневного, административного, юридического, политического нормативизма. Проблема состоит в разработке методологии и анализа указанного различия.

Следующая проблема — проблема фактуальности вообще и политической фактуальности в частности. Любая нормативно-оценочная система не является политическим фактом. Потому что реальная политика — это политика с позиции силы, в бисмарковском смысле. Сегодня реализм в политике и международных отношениях существует как один из трендов, который нуждается в анализе. В Санкт-Петербурге целая школа складывается. Я имею в виду работы Вадима Волкова. Реальная политика всегда связана с иной фактуальностью, технологическими схемами, пониманием разума, воли, интересом, чем это предполагается философско-политическими доктринами, концепциями, проектами. Институты политических экспертов и советников более-менее пристегнуты к конъюнктуре, поэтому политики и эксперты не могут считаться субъектами адекватного познания реальности. Едва я произнёс слово адекватность, — мы попадаем в проблему истины. Здесь даже конкурирующих концепций истины можно насчитать три. Я имею в виду аристотелевскую концепцию, гегелевско-марксову концепцию и концепцию Лукасевича. Владимир Натанович, я не ошибся.

В.Н. Порус: Можно и так сказать.

В.П. Макаренко: Рациональность любых политических действий и решений всегда сомнительна или дискуссионна. Это относится к целерациональному и субстанциональному пониманию рациональности. Я имею в виду популярные ныне в России концепции Макса Вебера, Карла Мангейма, теоретиков индустриального, постиндустриального, сетевого и прочего общества в теории и на практике. Отсюда возникает ещё одна проблема. Если целерациональное и субстанциональное понимание рациональности не годится для описания политики, то как определить меру рациональности политических решений и действий? Один из распространённых способов — это ссылка на интересы как конституирующий феномен социополитической реальности. Однако реализация интересов всегда ведёт к неожиданным последствиям и порождает «замкнутый круг идеологий». По этой теме существует целая теория, одним из творцов которой является Альберт Хиршман. Переводы которого в 2000-е гг. я публиковал в журнале «Социс». О казусах публикации я рассказал в журнале «Экономический вестник» ЮФУ. Понятие «замкнутого круга идеологий» принадлежит Альберту Хиршману. Моя задача состоит не только в пересказе уже существующих концепций, но и в формулировке вывода: ни одно государство не смогло преодолеть неожиданных последствий замкнутого круга идеологий. На другом уровне Мишель Крозье создал концепт «замкнутого круга ошибок» в процессе анализа властно-управленческих аппаратов Франции и других европейских стран.

Другой способ — классификация групповых интересов данного общества по степени политической выраженности, легальности и легитимности. Однако легальность и легитимность не совпадают ни в одном государстве. Кроме того, наиболее значимые решения никогда не принимаются публично. Этому способствуют институциональные и неинституциональные формы политического процесса. Традиционные понятие государственной и административной тайн тоже существуют, но их модификация пока образует предмет монополии. Какое это оказывает влияние на естественные и социальные науки, на философию? — особая проблема. Нельзя также упускать из виду меру репрессивности культуры, общества, морали в отношении политического выражения любых социальных интересов. Следовательно, конфликт, антагонизм, противоречие между рациональностью и действительными мотивами и целями участников политических процессов типичен для всех государств. А для аналитической философии проблема рациональности является ключевой. На мой взгляд, этот конфликт не может быть адекватно отражён ни религиозными идеологиями (иудаизм, христианство, ислам), ни светскими классическими идеологиями (либерализм, консерватизм, социализм) и романтическими идеологиями (анархосвободомыслие, фашизм и традиционализм). Такую типологию предлагает Норберто Боббио. В двадцатом веке к этим идеологиям прибавились национализм, регионализм, коммунитаризм, феминизм, экологизм, этноцентризм, атлантизм, евразийство. Понятие идеологических гибридов я также считаю конституирующим при анализе политической реальности. Эти гибриды существуют сегодня в мире и в России в самых причудливых комбинациях, начиная от деятельности какого-нибудь управдома и заканчивая уровнем государственного управления. Их связь с цивилизационными и геополитическими концепциями в каждом конкретном решении не изучена. Что касается государственного управления — недавно попала мне в руки книжка В.Якунина, В.Багдасаряна, С.Сулакшина «Западная». Видимо, авторы специально издали ее таким шрифтом, что без лупы не обойдётся.

Скажу еще немножко о теоретических предпосылках политической концептологии. В последнее десятилетие она используется для анализа общих проблем социолингвистики, культуролингвистики, рефлексии о будущем социальных наук. Аналитические дисциплины сформулировали ряд конкретных проблем, категорий, понятий и принципов анализа философских, экономических, социологических, политологических и историографических аспектов политического бытия и мышления. Выводы аналитических дисциплин можно применять для оценки состояния всех перечисленных наук в Европе и в России, а также для написания и оценки политических трансформаций в стране. Синтез аналитических дисциплин даёт принципиально иную структуру познавательных и практических проблем политической теории и социальных наук. Для решения этих проблем существенное значение имеет анализ моделей взаимодействия между наукой и властью, разработанный М.К.Петровым концепт научно-технической контрреволюции, а также когнитивно-организационные формы существования социальных наук.

В завершение скажу, что в настоящее время происходит институционализация политической концептологии. В 2007 году мы создали виртуальный теоретический семинар по политической концептологии. В 2008 году создан Центр политической концептологии ЮФУ. С 2009-го года издаётся журнал. Регулярно проводятся конференции с участием специалистов головных институтов РАН, летние школы. Читаются курсы и спецкурсы для студентов отделения политологии ЮФУ. Я опубликовал две монографии и одно учебное пособие на эту тему. С удовольствием отвечу на вопросы, если таковые будут возникать. Спасибо за внимание.

В. Козерь: Виктор Павлович, могли бы вы предложить какую-либо синонимическую конструкцию?

В.П. Макаренко: Как же так? Я «рожал» 20 лет, а теперь вы мне предлагаете синонимическую конструкцию!? Нет! Не могу! На такие вопросы Владимир Маяковский отвечал

так: «Вы, дорогой товарищ, ничего не поняли. Собрание постановило считать вас отсутствующим».

В. Козерь: Но какой-то, может быть, есть запасной вариант?

В.П. Макаренко: Запасной!? Здесь сидит тридцать человек, пусть каждый из вас выдумает запасной вариант по собственному вкусу.

В. Козерь: Ещё один вопрос. Политическое сообщество Ростова должно ли быть активным в формировании политической культуры властной элиты? Люди пишут статьи, и дальше уже власть смотрит; читать, не читать. Или же политическое сообщество должно проявлять какую-то активность и как-то формировать...?

В.П. Макаренко: Опять вопрос ради риторики. Напомню Гегеля: долженствование — самая пустая категория. Вчера на телевидении тоже спрашивали о долженствовании. В таких случаях я отвечаю ссылкой на героя повести «В августе 44-го» фронтового контрразведчика старшего лейтенанта Таманцева. Его кредо: «Наше дело прокукарекать, а там хоть и не рассветай». Речь идёт о том, что социальные науки должны прежде всего давать диагноз социальной и политической реальности. Однако диагностический аспект всего круга социальных наук в 20 веке претерпел громадное отрицательное воздействие со стороны рынка, властвующих структур, идеологий. Поэтому я не побоюсь высказать гипотезу: 100 лет потребуются для преодоления и осмысления возмущающих воздействий. Нарботанные схемы всегда воспроизводятся легче, чем выдвижение новых. Они относятся к разряду политического социального и прочего эпигонства. Илье Сельвинскому принадлежат строки:

Всё старое понятно и приятно,
Всё новое обидно и темно.

Вот как я отвечу на этот вопрос. Про активность говорить сейчас не буду.

В.А. Шкуратов: Виктор Павлович, ты находишь какого-нибудь достойного конкурента в анализе связки «знание-власть» в аналитической традиции?

В.П. Макаренко: Я не называю его конкурентом, хотя существует традиция относить Мишеля Фуко к аналитической традиции. С одной стороны...

В.А. Шкуратов: Нельзя...

В.П. Макаренко: Нельзя. Однако согласно английской классификации, он принадлежит континентальной традиции. Вот с этой точки зрения его можно рассматривать как конкурента. Но это особый предмет разговора. В последние годы переведен его цикл лекций под названием «Население, безопасность, территория». Там содержится определённая концепция безопасности. Эта теоретическая разработка позволяет оценивать деятельность государственных институтов. Им также разработан концепт биополитики, базирующейся как раз на анализе конкретных структур безопасности государств Нового времени — с XXVII по XIX-XX век. Походя на этот вопрос я отвечать не буду. Это специальная проблема, имеющая выход в деятельность не только теоретиков, но и государственных институтов, которые тоже имеют за собой громадный груз прошлого и потому воспроизводят установившиеся схемы. Вот так, Владимир Александрович, я бы ответил на твой вопрос. Сейчас ввязываться в дискуссию не получится. Надо специальный семинар посвятить тому, что ты называешь аналитизмом. Можно по-разному трактовать. Если мы используем термин наука в гегелевском смысле — один смысл науки и знания. Если используем Витгенштейна или Рассела — возникает другой смысл науки и знания. Надо договориться по поводу этих базовых вещей. А без договора мы будем просто риторикой заниматься — в смысле героев Шолохова: «Гладко гутарить выучились...». Когда Макара Нагульнова хотели из партии исключить, он в ответ секретарю райкома говорит. Так что гладко гутарить не надо. И упражняться в риторике тоже не надо.

Если вопросов нет, слово Владимиру Натановичу Порусу.

В.Н. Порус: Спасибо. Я рад снова быть в Ростове-на-Дону. Многих из вас я видел в предыдущие свои поездки. Надеюсь, что и эта будет не совсем бесполезной. Поскольку меня назначили оппонентом, то я должен выполнить функцию критика. Прежде чем критиковать, скажу несколько обязательных комплиментарных слов.

Я уже услышал, что журнал «Политическая концептология» стал пространством интеллектуальной свободы. Это замечательно. В пространстве интеллектуальной свободы жить хорошо, хотя трудно. Потому что ничего более трудного, чем жить в свободе, человеку не предоставляется. Тем более в пространстве интеллектуальной свободы, где нужно ещё доказывать своё право на присутствие в этом пространстве. Журнал молодой. Детский возраст. Всего три-четыре года. За это время он уже стал известным, получил аудиторию. То, что он вывешивается на Интернет-сайте, делает эту аудиторию достаточно заметной, даже большой. Получив отклики, отзывы, он вошёл в нашу жизнь и занял в ней свою нишу, своё место. И это место не плохое, как здесь уже говорилось. Оно может стать ещё более заметным. Это будет зависеть от того, сколько усилий будет к этому приложено. И какова будет обратная связь с аудиторией, я имею в виду прежде всего аудиторию научную в нашей стране и за её границами. Всё это замечательно и прекрасно. Но, тем не менее, как мне кажется, всё-таки детский возраст журнала пока ещё сказывается на его статусе. Как мне удалось понять, журнал «Политическая концептология» ещё не смог объяснить аудитории, в чём же заключается новизна самого названия журнала, в чём его отличие от многочисленных журналов по политическим наукам и т. д. Эта неполная разъясненность носит характер самостановления. Потому что и авторам, на мой взгляд, не совсем понятно в каком журнале они участвуют. Например, какая-то статья, опубликованная в этом журнале, могла быть опубликована в каком-то другом журнале. Философского, политологического, социологического направления, даже психологического. И не совсем понятно, почему именно в этом журнале опубликована та или иная статья, какое место она занимает в общей стратегии журнала. Это, на мой взгляд, связано с некоторой непроясненностью самого понятия — концепт, в отличии от понятия. Простите за тавтологию. Здесь мне всегда вспоминается старый, но остроумный анекдот. Кладбище, памятник, около него стоит женщина и рыдает. Прохожие останавливаются и говорят: «Кто здесь похоронен? Почему вы рыдаете? Вам памятник не нравится? В чём дело?». Она говорит: «Памятник замечательный, прекрасный, а на нём написаны такие хорошие слова: „Верному мужу и прекрасному работнику“». Но мне кажется, что эти слова относятся к двум людям, о которых я ничего сказать не могу». Там похоронен её муж, но она-то знает, что он не был ни верным мужем, ни прекрасным работником. Так вот, теоретическая конструкция политической науки отличается от концептологии политической, как надпись на памятнике отличается от того, что есть на самом деле. Можно поспорить, является ли политическая наука наукой, является ли наука политической. Может ли вообще быть наука политической. Эти два термина могут образовывать такое противоречивое сочетание — оксюморон. Но предположим, что такая наука есть. В чём её задача? Задача её состоит в том, чтобы приблизиться к понятиям, которые своей совокупностью образуют архитектуру политического знания. Что такое концептология? Она ведь работает не с понятиями, она работает с концептами. Об этом есть прекрасные статьи Светланы Сергеевны Неретиной с её мужем Александром Павловичем Огурцовым. И вообще это старая проблема от Абельяра до Неретиной. Она обсуждается живо, проблема эта не имеет однозначных решений. Есть разные воззрения на соотношение этих вещей. Я просто назову своё представление об этом, чтобы не вдаваться в анализ всего спектра. Чем отличается концепт от понятия? На мой взгляд, всё очень просто, хотя и очень сложно. Концепт — это живое понятие, а не надпись на памятнике. То, к чему эта надпись относится в каждый конкретный момент в каждой конкретной ситуации. Я бы так сказал, что концепт — это живая жизнь понятия. Понятие — это есть некоторый препарат. Это такой конструкт, который претендует на объективность, общезначимость, поэтому он не участвует в связи с другими понятиями в формировании всеобщих суждений и т.д. Концепт всегда привязан к кон-

кретной ситуации понимания, потребления, использования, коммуникации этих понятий. Ну, опять-таки анекдотический пример. Свеженький совсем. Вот вчера мы по телевидению выступали. Там сказали, что на нашем сборище будет обсуждаться концепт катастрофы. Звонок в студию. Ко мне обращается женщина преклонных, т.е. моих лет: «Владимир Натанович! Не хватит ли говорить о катастрофах? Противно! Ну что это такое? На Западе всё хорошо, а у нас катастрофа. Ну, в конце-то концов, хватит. Обидно же русскому народу, его так унижают, все его давят, гнобят». И дальше поток слов, связанных с выражением одной эмоции. Что произошло? Конечно, это можно объяснить как глупость, как непонимание. Но дело ведь не в этом, дело здесь тонкое. Слово «катастрофа» вырвано из контекста научного дискурса, перестало быть частью проблемы. Переместилось в сферу сознания нормального обычного человека, оторвавшегося от кухни и домашних дел. У которого уже звенит в ушах от описания ужасов нашей действительности. И там это слово зажило своей жизнью, особенной жизнью. Она не знает слово концепт, ей наплевать на политический и политологический дискурс. Она говорит совершенно о другом, о своём переживании этого понятия. В той сфере, в которой она находится, куда её жизнь поместила. Так часто и бывает. Понятие живёт особенной жизнью независимо от теоретического построения, из которого это понятие заимствовано. Можно сколько угодно строить теорий власти. Их существует огромное количество. Здесь уже называлось классика: Маркс, Фуко, Гегель. Всё это есть. Но, посмотрите, как живут эти понятия и эти теории, когда они перемещаются в социально значимые контексты. Как они приобретают огромное множество деталей, нюансов смысловых, способов понимания. Как они работают в конкретных коммуникациях. Причём коммуникации и конкретные ситуации меняются, время от времени. Они погружены в жизненный поток переживаний, эмоций, наших отношений, наших побед и поражений. И в зависимости от этого эти понятия воспринимаются и понимаются по-разному. Они могут служить различным типам коммуникации. Иногда один тип коммуникации начисто опровергает другой. Хотя используются одни и те же понятия. Ну, ещё один анекдотический пример, чтобы как-то пояснить свою мысль на живых человеческих примерах. Два года назад был чемпионат мира по футболу. Российская команда не попала на него, не прошла отборочный цикл. Социологи обращаются к любителям футбола с просьбой дать прогноз. Кто победит на этом чемпионате? 17% опрошенных, отвечают, что победит команда России. Ну, можно видеть в этом прикол, какую-то глупость, неосведомлённость. Я вижу совершенно другое.

Люди, которые, отвечают на эти вопросы, ничего не понимают в футболе, они даже не знают, какие команды участвуют в этом чемпионате и, может быть, даже не могут отличить пенальти от углового. Но эти люди связали в своём сознании два понятия «победа» и «Россия»...

В.П. Макаренко: Вслед за президентом, и эпигонски это повторяют...

В.Н. Порус: Их спрашивают, кто победит? «Россия, конечно же». Вот что имеют в виду люди. Смотрите, два понятия, кстати из политологического дискурса: «победа», «Россия», «народ». Они перешли в сферу обыденного сознания, вырваны из контекста. Там причудливым образом связались и выразили некоторое настроение. «Хватит говорить о поражении».

В.П. Макаренко: Как раз эти гибриды идеологические...

В.Н. Порус (перебивая): Это не гибрид. Это особый модус существования. Хочется победы. Хватит поражений. Хватит унижений. Хватит оскорблений. Хватит плохо жить. Давайте идти светлым путём к зияющим вершинам. Вот что звучит в этих, казалось бы, абсурдных совершенно вещах. Таким образом, смотрите, к чему все эти примеры и все эти рассуждения. Концептология политическая — это исследование жизни политических понятий в различных структурах сознания, в различных жизненных исторических и культурных ситуациях. Это изучение того как трансформируются, перетекают друг в друга, меняются, приобретают новые связи смыслы политических понятий. Является ли политическая концептология одной из политических наук? И да, и нет. В зависимости от того, какой мы смысл припи-

шем обоим терминам. Конечно, это не политическая теория. На мой взгляд, это некоторый модус существования политической теории в особом дискурсе. Он касается жизни самих теоретических построений, самих теоретических понятий. Он изучает их в их практической применимости. Вот отсюда интерес к аналитической философии.

Основополагающий тезис Витгенштейна, который лёг в основу всей аналитической философии XX века: значение слова — есть способ его употребления. А это означает, что в зависимости от изменения ситуации употребления, меняются и значения слов. Они сохраняют свою вербальную оболочку, сохраняют заимствованные из других способов, из других ситуаций употребления элементы смысла. Но погружаясь в иные ситуации, погружаясь в иную коммуникативную практику, они приобретают новое значение. В этом смысле язык всегда живой, он никогда не останавливается, он никогда не может быть выражен в каких-то словарях, помощниках переводчика, в каких-то стандартных практиках. Он всегда меняется. И вот наблюдения за процессами изменения. И, может быть, установление некоторых закономерностей. Надо научиться управлять этими изменениями. Это задача политического концептолога. Конечно, задача парадоксальная. Смотрите, то что я сейчас сказал — это и есть парадокс. Политическая концептология далека от теоретического способа употребления понятий. Но она сама стремится к теоретическому употреблению понятий. Это возвращение к самому себе через свое иное. Политическая концептология стремится ухватить понятие политики в её жизни, жизни этих понятий. Но превращает их в теоретические конструкты. Таким образом, сама становится концептом и предметом рефлексивного анализа. В этом постоянном умирании теоретического и воскрешении концептологического заключается, на мой взгляд, важнейшая механика, важнейшая динамика этого процесса. Журнал, который именуется «Политическая концептология», на мой взгляд, должен поставить себе эту сверхзадачу. Задачу исследования этого чрезвычайно интересного процесса. Процесса, в котором, собственно говоря, и заключается суть дела. Потому что суть дела не в теоретических конструкциях, не в отдельно взятых ситуациях; а в их связи. В том, как в ситуациях проверяют себя теоретические конструкции. Как они изменяются под воздействием ситуации. И как сами ситуации изменяются в зависимости от их политического и теоретического осмысления. На мой взгляд, такая перспективная линия журнала. Если то, о чем я говорю, найдёт отклик у тех, кто создаёт этот журнал, то, возможно, это и определит его дальнейшую биографию, если угодно. Повторяю, в качестве критического замечания, есть опасность превратиться в журнал об интересеньком. Куда снесут все свои продукты люди грамотные, умные, занятые конкретными исследованиями, которым необходимо напечатать какую-то статью. И этот журнал может превратиться в такой клуб. Клуб любителей политической терминологии. Вот это было бы ужасно. Это было бы страшно. Не дай бог. Потому что таких журналов существует множество, и конец их известен, они превращаются в междусобойчики. В конце концов их ожидает судьба, помните, по Марксу, быть предоставленным грызущей критике мышей. Вот, это главное, что я хотел сказать в качестве оппонента уважаемому Виктору Павловичу и его замечательному детищу журналу «Политическая концептология».

В.П. Макаренко: Большое спасибо, Владимир Натанович. Я думаю, что вопросы выступающему мы не будем задавать. По ходу дела каждый будет иметь возможность высказаться. Теперь с большим удовольствием хочу сообщить, что на наш журнал поступил ряд положительных отзывов и рецензий от специалистов. Прежде всего от главного редактора журнала «Полис» Сергея Владиславовича Чугрова, а также от других коллег из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Киева и других городов нашей ойкумены. Мы в редколлегии все это проанализируем в целях дальнейшего продвижения журнала. Хочу поблагодарить всех, кто прислал отзывы. Теперь выступит председатель нашего редакционного совета и один из постоянных авторов журнала, профессор, Анатолий Владимирович Лубский.

А.В. Лубский: Сегодняшний наш круглый стол посвящён обсуждению журнала, его направленности, его миссии. Но вот был вопрос по поводу синонимов. Синоним тут есть, и

он в названии журнала. Называется «Журнал междисциплинарных исследований». Правда, это не особо проясняет ситуацию. Но я думаю, Владимир Натанович ситуацию немного прояснил. Дисциплины научные имеют дело с понятиями. Но и, наверно, Виктор Павлович, когда придумывал название «междисциплинарные исследования» — синоним политической концептологии, — имел в виду: если научные дисциплины имеют дело с понятиями, то междисциплинарные исследования имеют дело с концептами. Что это такое, это достаточно ещё...

В.П. Макаренко: Это сражающиеся понятия, я бы так сказал. Пока ещё живые.

А.В. Лубский: самого понятия концепта нет, а есть концепт концепта. Поэтому данному концепту приписывают разный смысл и значение, в зависимости от контекста. Коллеги, я хочу сказать, что журнал «Политическая концептология» уже имеет определённую интеллектуальную историю. Прошло три года. Десять номеров вышло.

В.П. Макаренко: Тринадцать.

А.В. Лубский: Тринадцать номеров вышло. И вот мы в связи с этим можем поразмышлять о той роли, которую по замыслу организаторов этого журнала, должен был сыграть, но в силу обстоятельств не сыграл журнал в интеллектуальной жизни нашего региона и России в целом. Но прежде чем рассуждать о миссии этого журнала, его роли в интеллектуальной жизни академического сообщества, я хочу обратить ваше внимание на ту ситуацию, которая сложилась в политической науке в России, и о возможностях политической концептологии в связи с этим. Вот сидит профессор Кислицын Сергей Алексеевич. Он историк и хорошо помнит, как в начале 80-х годов прошлого века один из наших последних Генсеков пришёл к выводу о том, что мы не знаем общества, в котором живём. Думаю, что вы согласитесь с тем, что этот вывод продолжает быть актуален и в наши дни. Мы, не буду говорить «к сожалению», не знаем общества в котором живём. Мы стремимся к этому, но пока адекватных знаний в различных сферах связанных с пониманием нашего общества, в том числе и политической науки, у нас нет. Но речь, конечно, сегодня пойдёт не о политиках, которые не знают, не понимают, но зачастую и не хотят знать и понимать общество, которым они управляют. Речь, конечно, идёт сегодня об учёных и собственно о политической науке, в том числе о политической концептологии. Почему мы не знаем общество, в котором живём, почему не понимаем его? Значит у нас нет подходящих методологических средств. А может мы продолжаем изучать российское общество с помощью тех методологических средств, которые были предназначены для изучения иных обществ и в другие времена? Поэтому я думаю, что трудно найти ответы на вопросы, без понимания той методологической ситуации, которая сложилась в российской политической науке в начале XXI века. С точки зрения принципа интеллектуальной свободы, который провозглашён в журнале, я выскажу некоторые эпатажные вещи. Но это специально, чтобы обострить ситуацию. Эта ситуация характеризуется, во-первых, наличием в политической науке интеллектуально-когнитивных мод. Во-вторых — мультипарадигмальностью и ангажированностью научных исследований с низким уровнем теоретической интерпретации эмпирических данных. И третье — это отсутствие научного языка, адекватного для понимания и объяснения российской политической специфики. Дело вот в чём: широкое приобщение российских исследователей к западноевропейской и американской научной традиции привело к тому, что многие её гранд-теории превратились в отечественной общественной и политической науке вот в такие интеллектуально-когнитивные моды как универсальные объяснительные конструкты. Речь идёт не о возможностях методологического использования разных подходов, а как универсальные объяснительные конструкты пригодные на все случаи жизни. Превращение российской политической науки вот в такую мультипарадигмальную научную дисциплину сопровождалось, с одной стороны, утратой целостности видения политической реальности, фрагментацией научного знания; а с другой стороны, ангажированностью политических исследований. Вот в связи с этим методологическая ситуация, сложившаяся в отечественной науке характеризуется не столько методологическим плюрализмом и

конкуренцией различных методологических подходов, сколько методологическим сепаратизмом и противостоянием позиций, которые соотнесены прежде всего с большими идеологиями. Распространение этих интеллектуально-когнитивных мод привело к тому, что, во-первых, теоретические конструкты различных направлений западноевропейской и американской науки, и понятийный аппарат стали широко использоваться в научных исследованиях, посвящённых российским политическим реалиям без всякой предварительной социокультурной и эпистемологической экспертизы. И здесь я солидарен с Владимиром Натановичем в том, что одна из задач политической концептологии — дать экспертизу применению вот этих мёртвых понятий. Мёртвых для нашей науки и нашей действительности. Задача политической концептологии состоит в том, чтобы оживить эти понятия в соответствии с российской социокультурной спецификой. Мне эта идея очень понравилась. У Виктора Павловича это одно из направлений, тем более что одно из направлений аналитической политической философии связано не с анализом политической реальности, действительности, а с анализом теории, объясняющей эту политическую реальность. Но это одно из направлений. А всякие теории строятся на понятиях. И вот в результате возникла проблема языка политологического дискурса, которая осознаётся некоторыми исследователями как отсутствие в отечественной политической науке научного языка для адекватного понимания и объяснения российских политических реалий в масштабе политических теорий среднего уровня. Но это задача политической науки, а не политической концептологии. Это другая сфера когнитивных занятий — выработки таких теорий среднего уровня, которые привносятся в качестве объяснительных конструктов не извне, а являются результатом аналитической и синтетической деятельности учёных, связанной с обработкой эмпирического материала, полученного при изучении политической реальности, обладающей своей собственной социокультурной спецификой. Но это проблема, повторяю, политической науки. Проблема языка политологического дискурса — это проблема контекстуальности, которая является сегодня одной из наиболее актуальных в методологии научного познания. Контекстуальность означает, что всякое политическое явление необходимо изучать в рамках той социокультурной среды, которая породила это явление. Поэтому прежний поиск универсальных конструктов, понятий, теоретических конструктов, пригодных для изучения любой страны независимо от её социокультурного своеобразия в современной эпистемологии признаётся методологически недостаточным. Надо смотреть на своё общество своими глазами. Утрата такого холистского видения политической действительности в России привела к появлению в российском научном сообществе когнитивной потребности в новой целостности политического знания. И эта потребность сопровождается активизацией вот такого холистского политологического мышления. В русле этого мышления в российской политологической науке уже наметились некоторые когнитивные прорывы, связанные с формированием в ней особого неоклассического направления. Того направления, которое ориентируется на когнитивный синтетизм и синкретизм. В рамках этого направления отчётливо проявилась тенденция преодоления дисциплинарной ограниченности политической науки путём расширения когнитивных практик, связанных именно с мультидисциплинарными, интердисциплинарными, и трансдисциплинарными исследованиями. Есть разные представления о том, что такое мульти-, интер- и транс-. Я изложу свою концепцию.

Мультидисциплинарные исследования связаны с решением научно-исследовательских задач в рамках предметного поля политической науки, но с помощью методологических конструктов некоторых других наук.

Интердисциплинарные исследования — это постановка научно-исследовательских задач на стыке политической науки и других научных дисциплин. Это выход за рамки предметной дисциплинарности политической науки и соответственно синтезирование их методологического и теоретического потенциала в целях создания целостной картины политической реальности. Вот такие интердисциплинарные исследования, направленные на производство гибридного научного знания, обладают большим компаративистским потенциалом. Такие как

политическая антропология, политическая психология, биополитика, политическая социология и так далее. То есть там, где выходят за рамки дисциплинарной ограниченности политической науки.

И наконец, трансдисциплинарные исследования связаны с постановкой исследовательских задач, направленных на преодоление такой гетерогенности дисциплинарных научных исследований путём их осмысления, не дисциплин, а результатов, на том метауровне, о котором говорил Виктор Павлович, придумывая название журнала. То есть на уровне, который выходит за рамки отдельных научных дисциплин. И вот в этом плане, особую роль сегодня, конечно, играет политическая концептология, направленная на преодоление ограниченности микро- и макро- подходов, фрагментарности научно-политического знания, но самое главное — формирование холистского видения политической реальности. И разработку в соответствии с этим концептов синкретических, схватывающих социокультурную специфику российских политических реалий. Вот почему в качестве таких концептов в политической концептологии очень часто выступают метафоры типа: русская власть, русская система, русская колея, раздаточная экономика, кормить и править. Там понятия где-то мерцают, там понятий нет, но они очень схватывают как бы в синкретизме, то что происходит, то что является предметом осмысления. Вот журнал «Политическая концептология», который издаётся у нас уже с 2009-го года под редакцией В.П. Макаренко. Это как раз журнал междисциплинарных исследований. И здесь замечание уважаемого профессора В.Н. Поруса кстати. О том, что журнал ещё не определил границы своей интеллектуальной деятельности. Там действительно и социологические попадаются работы и собственно работы, ограниченные дисциплинарными задачами политической науки, которые не выходят на уровень того междисциплинарного концептуального обобщения, который был заявлен в самом названии. Но всё-таки я думаю, следует говорить о презентабельности данного журнала в политико-концептологическом смысле. Я навскидку быстро по памяти назову некоторых авторов, которые здесь отсутствуют. Ну, допустим: Неретина, Огурцов «Концепты политического сознания»; Розов «Немыслящая Россия, антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации»; Гудков «Массовая идентичность и насилие»; Пивоваров «Русская политическая мысль как предпосылка русской политической науки». Также Оболонский, Глебова, со своими статьями. И так далее. Коллеги, я так думаю, что журнал становится площадкой интеллектуальной для научной апробации тех методологических поворотов, которые наметились в современной политической науке в связи с актуализацией междисциплинарных исследований. А во-вторых, я думаю, что вот те статьи, которые публикуются в журнале, имеющие непосредственное отношение к политической концептологии, всё-таки, надеюсь, позволяет лучше понять общество, в котором мы с вами живём.

В.П. Макаренко (*иронично*): Большое спасибо, что ты наш журнал связал с прахом перепуганного чекиста Юрия Владимировича Андропова. Существует богатая литература о том, что вся его так называемая «интеллектуальная деятельность» — реакция на октябрьские события 1956 г. в Венгрии, когда он там был послом и дрожал от страха. Ведь там как раз в это время подвергали суду Линча венгерских чекистов — вешали их на фонарях и отрезали половые органы. Вот как надоела эта публика населению страны всего за десять лет! Тема эта пока еще не обсуждена всесторонне в России и других постсоветских государствах.

Большое спасибо за дельные замечания. Мы будем работать над их воплощением.

А.В. Лубский: Из тех отзывов, которые ты давал мне читать, можно констатировать, что журнал оказывает благотворное влияние. Читатели заговорили концептами: «Полицейское государство»...

В.Н. Порус: Однако некоторые читатели мыслят примерно так, как некоторые телезрители, которые вчера задавали нам вопросы: «Всё, что вы там говорите, непонятно, смешно и глупо. И нечего морочить голову нам концептами, понятиями, конституциями, революциями, амунициями, коннотациями, парадигмами. Это всё пустое. Вы скажете: что делать?» Вот так

у меня спрашивали: «Вы говорите — катастрофа. А что нам делать? Не знаете, тогда идите отсюда. И нечего тут нам забивать мозги, потому что нам и так их каждый день полощут». И некоторые уважаемые коллеги в своих вопросах повторяют общие места из газет, журналов, теле- и радиопередач. Сращивание полиции с криминалом давно известно. Тупики, в которые ведёт нас нынешний строй. Что тут нового? Ничего абсолютно. Дискурсивная позиция журналиста, учёного, руководителя журнала, по своей структуре, если отвлечься от терминологических нюансов, совершенно аналогична такой же структуре домохозяйки. И это возводится в добродетель. Мы за конкретику, мы за эмпиризм. Дайте нам ответы на правильно поставленные вопросы. Что нам делать? Ну что сказать уважаемому коллеге? Работать. Работайте, делайте своё дело и не ждите от нас — философов или каких-то там ещё пророков и так далее. Не ждите от нас рецептов, как изменить Россию к лучшему, перевернуть мировое устройство, достичь сияющих вершин абсолютной истины. Не уподобляйтесь домохозяйкам. Делайте своё дело!

В.П. Макаренко: Спасибо, Владимир Натанович. Очень приятно, что все участники дискуссии — зубастые люди.